

Absolutus Святослава Рихтера

"Мы истину, похожую на ложь,
Должны хранить сомкнутыми устами,
Иначе срам безвинно наживешь".
Данте. "Божественная комедия"

"...Меня мучила мысль, что музыкант... как Рихтер, единодушно признанный одним из величайших пианистов в истории, канет в небытие, так и не высказавшись по поводу своего искусства, своего творчества, своей беспокойной жизни, о коей были известны лишь обрывочные сведения да всевозможные слухи, не поддающиеся проверке".

Бруно Монсенжон

Во все времена великим личностям доводилось убеждаться, как мифы "становятся правдой", а затем и историей. Их друзья и враги, творчество и депрессии, слава и забвение — щупальцами обвивались вокруг жизненного потока, порождая преодоление себя, своих обстоятельств, своей судьбы, очерченных кем-то написанных биографий, легенд, мифов, а еще чаще сплетен и лжи, соразмерно масштабу гения.

"Обо мне опубликовано столько откровенной лжи и досужих сплетен, — сетовал А. Эйнштейн, — что я уже давно покоился бы в могиле, если бы обращал на них внимание. Следует утешиться тем, что через сито времени большая часть ерунды стекает в море забвения".

Великий физик и мыслитель был не одинок в своей убежденности. "Обо мне говорят и пишут такие небылицы, такую чушь, что я спрашиваю себя, кто мог все это выдумать", — жаловался С. Рихтер Б. Монсенжону в знаменитом фильме "Непокоренный Рихтер".

"Он живет в другом измерении", — говорила рихтеровский секретарь и импрессарио его последних лет Милена Борромео. И это не удивительно, ибо у Рихтера был далекий от обыденности мир, который приземленные интерпретации достичь не в состоянии. "Маэстро хотел бы, чтобы Бруно (Монсенжон. — Ю. Д.) сделал его биографию", — вспоминала Милена, вероятно, потому, что мифологический "остов" рихтеровской биографии в эпоху сталинизма, как и во времена последующих "правителей", был неоднозначен и для самого Рихтера.

* Автор статьи — глава миссии Д. Ойстраха и С. Рихтера, профессор кафедры специального фортепиано Одесской музыкальной академии им. А.В. Неждановой.

Предельно дистанцированный от уже существующих жизнеописаний фильм-признание "Непокоренный Рихтер", расставляющий "точки", или "акценты", самого Мастера, вызвал острые полемические волнения в ближайшем окружении, справедливо считающем Рихтера таким, каким они (и только они!) его знали.

Возможно, поэтому наиболее справедливо мнение Дмитрия Дорлиака, прожившего бок о бок с Рихтером и Ниной Львовной Дорлиак (более пятидесяти лет. — Ю. Д.):

"Ответственно говорю: что за явление Святослав Рихтер — не знает никто. И я в том числе. Слава был и закрытый человек, и открытый, и "открывался" он часто не дома, и не всегда понимал, кому можно что-то рассказать, а кому нельзя. Притом, что эти "открытия" могли быть, да и бывали сиюминутны. И через какое-то время по той же теме его мнение могло быть абсолютно противоположным высказанному ранее. И это тоже было мнение Славы".¹

Беседуя о Рихтере со многими близкими ему людьми, знавшими его с детства и юности, действительно удивляешься разнообразию и обилию характеристик и позиций, степени "приближенности", общим знаменателем которых была их удаленность от его детства и юности. Удаленность, порожденная самим Мастером, его длительным и не менее многозначительным молчанием.

"Мне хотелось сделать о Рихтере фильм незаурядный, — признается Б. Монсенжон, — соответствующий его личности, а потому он непременно должен был предстать на экране таким, какой он есть, иначе получится банальный музыкальный фильм с непонятно кому принадлежащим голосом за кадром, сопровождаемым архивными кадрами, безликими и быстро надоедающими".²

Но что художник может о себе сказать от первого лица? Даже о фактах своей биографии, особенно своим многозначительным "помалкиванием" о наиболее выразительных документальных фактах. Рихтер, с детства любивший шарады, карнавалы и маски, вполне мог осознанно оставить загадки для нашей памяти, возможно, для интриги разгадки, театральной фабулы, сохраняющих свою инвариантность в различного рода интерпретациях и противоречиях!

Сама *память* о его служении и устремлениях к высшим проявлениям логоса, неустанный поиск гармонии, перекрывавшие документальную

¹ Д. Дорлиак. Мимолетности Святослава Рихтера. М., 2005, с. 63-64.

² Б. Монсенжон. Рихтер. Дневники. Диалоги. М., 2002, с. 14-15.

и уловимую жизнь гения (что проделывали его современники и что его не устраивало, хотя бы, к примеру "Хроники" А. Золотова, весьма далекие от близких ему образов Манна и Пруста, других рихтеровских идеалов, но поданных в запросах "утраченного времени" совка), несет в себе театральную инсценировку биографического сюжета, парадоксальную во всех своих противоречиях.

Кто-то из великих сказал, что "вершины культуры есть ее основание", так и "Absolutus" Рихтера, на наш взгляд, составляет его детство и юность (как основание) его гения.³

"Traduttore — traditore"⁴

Если вчитаться в публикации за десять лет после ухода Маэстро, то и "чушь, и небылицы" продолжали множиться ("человеческое слишком человеческое", Ф. Ницше) в заданном вовсе не самим Рихтером направлении, особенно если публикации "приурочены" к датам и поданы в конгломерате "подогретых" фактов. Но это еще полбеды.

Бывает и так, что публикуется микст фактов, как это было совсем недавно в одной из киевских газет, где автор объявил, что одесская "аура раскрывает тайну Святослава Рихтера, о существовании которой многие до сих пор не знают...". Неплохо бы знать о какой "ауре" идет речь, и что о ней думает автор, утверждающий что "барельеф с факсимильной росписью Святослава Рихтера, выполненный из бронзы, установлен на стене Пасторского дома"? Похоже, что преподносимая "одесская аура" из такой же "бронзы", как и рихтеровский барельеф.

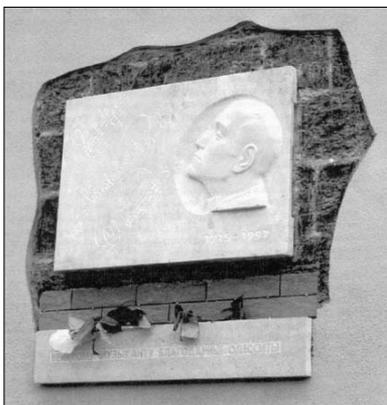
Не хочется возвращаться и к другим "юбилейным" публикациям о "неизвестном Рихтере" в год 90-летия мастера. Там массовая публицистика "постаралась" напутать и отчество отца — Теофила Рихтера — и всеми силами выжать ряд "блелей", чтобы ими разбавить общепринятую заливочную биографию музыкального деятеля высочайшего отечественного ранга, Героя Социалистического труда, ярчайшего "представителя советского (?!) стиля исполнительского искусства".

Создавал барельеф на мраморной доске замечательный одесский скульптор Николай Степанов. Мучительно вживаясь как незаурядный

³ Видеокomпьютерный анализ, проделанный академиком РАЕН Н.В. Масловой в 2007 г., ею определен как "Absolutus" С. Рихтера.

⁴ Итальянская игра слов "переводчик — предатель", когда интерпретатор (как переводчик информации) оказывается "предателем" в передаче искаженных фактов.

художник в полуфантастическую тайну молодого Рихтера, он не сразу согласился с драматической идеей "вырванной стены" из ракушечника на гламурно отреставрированном фасаде Пасторского дома. Исподволь откликнулся он и на идею "оживления" мемориала — за доской установлены два старинных камертона, звучащих невероятно редко, — когда за доску попадает дыхание ветра, о чем знают очень немногие в Одессе.

**Мемориальная доска С. Рихтеру
на Пасторском доме в Одессе**

Необходим был непростой путь современного художника к Мастеру, чтобы памятный знак стоном резонировал с местом его драматической судьбы.

Факсимильная роспись Рихтера на двух языках взята из памятного альбома в музее его учителя Генриха Нейгауза в Кировограде, городе, чтящем память своего соотечественника не в пример Одессе, о чем мы скажем ниже.

Может быть, "aura Одессы" скрывает тайну Рихтера?

"Символическое место немецкого городка", что, возможно, известно вышеупомянутому автору, на 75% уничтожено. Чудом уцелевшая кирха с террористической настойчивостью, начиная с послевоенного периода, уничтожавшаяся бывшей "интеллектуальной администрацией" института связи (ныне престижной национальной академии), воцарившейся в этом "символическом месте"; пожалуй, единственное место в Европе, простоявшее в руинах свыше полувека, и что любопытно, вовсе не как жертва минувшей войны.

Здесь "тайно" приезжал из Кишинева после концерта Святослав Рихтер, приезжал перед планируемым сносом здания в 60-е годы и, как нам позволено предположить, попрощаться с останками своей родной одесской "символики", перед тем как ему стать "затонувшим собором" детства и юности, в котором последним органистом был его отец Теофил Рихтер.

Почему предположить? Да потому, что я лично в 1966 году относил письмо Е.А. Фурцевой (оно у меня сохранилось), составленное в Москве

с Э.Г. Гилельсом и подписанное Д. Ойстрахом, Я. Заком и Г. Олейниченко, о *спасении кирхи*. Первым побуждением Э.Г. Гилельса, узнавшего от меня о роковой новости, было немедленно звонить Рихтеру, но только опасение травмировать его застопорило этот звонок. И все же информация о готовящемся взрыве кирхи не могла не дойти до ушей С. Рихтера, побудив его (как гласит предание) стать на колени перед руинами — памятником его отчужденного прошлого. Мог ли местный этос стать фактом биографии лауреата Ленинской и Сталинской премии?

Школьная наука

Юрий Башмет с большой иронией и грустью говорил мне о хрестоматийном жанре "подачи" Рихтера — музыканта и человека, чья жизнь была не менее театральна, чем у Джулии Ламберт (из "Театра" Сомерсета Моэма). Была она и шекспировски трагична, а порой и комична, с теми, говоря современным языком, "приколами", которые неумолимо выдавали все его несоответствие идеологическим мифам и прокрустову искусствоведению и источниковедению.

Вне концертной жизни за роялем весь московский период жизни мастера был тщательно ретуширован, и возможно, не без его вынужденного согласия, о чем косвенно говорят факты. Но именно одесский период очень трудно подлежал гримировке, а посему был своевременно и радикально дистанцирован в его биографических сведениях. О. Мандельштам в далеком 1922 году писал: "...Вчерашний день еще не родился. Его еще не было по-настоящему. ...Меня не удовлетворяют исторический Овидий, Пушкин, Катулл".⁵

А "вчерашние" биографии? Удовлетворяют ли нас в XXI веке все исторические материалы, в том числе и официальные портреты деятелей, черты которых поданы в нормах советского образа жизни? О подлинных фактах, формировавших рихтеровскую биографию, похоже, не знал сам Рихтер, но говорить о них необходимо сколь бережно, столь и осторожно, при этом не устрняя контекста "репресссионизма" небезызвестного социалистического реализма.

Как критически ни оценивается нашумевшее интервью А. Гаврилова с его "умозаключениями" о Рихтере, нельзя с ним не согласиться, что

⁵ О. Мандельштам. О поэзии. Л., 1928, с. 78.

"слишком это напоминает великую шекспировскую историю". Строя свои догадки о "масках Рихтера" чуть ли не как о его личинах, — "Для Рихтера это была игра в имидж, выработанная тонкая политика, вымуштрованная прохождением через сталинское время, хождением двадцать пять лет на грани расстрела. Этот человек себя полностью перековал и превратился в положительного героя", — утверждает А. Гаврилов.

Он не без позы размышляет и анализирует, но вряд ли понимает и сочувствует! Подмечая всю глубину страданий в неприступном для всех рихтеровском внутреннем мире, говорит, что "это идет у него из детства", Гаврилов сбивается на стиль уровня сплетни, провоцируя у читателя отрицание причинности вполне обоснованных догадок.

Рихтеровский имидж детства и юности *вне действительно трагического контекста* остается закодированным, за пределами понимания иной исторической, творческой, моральной дистанции современности, чтобы в публицистике оставаться официально портретным либо обыденно девальвированным.

Действительно, если репрессированный и расстрелянный НКВД Теофил Рихтер (реабилитированный Хрущевым в 1962 году по настоянию знаменитого сына, написавшего ему письмо) обрел легитимность мученика, то "сбежавшая" с немцами мать А.П. Рихтер-Москалева и сегодня "подается" в стандартном негативе как предательница сына. Закрепленный тип женщины, променявшей сына на "негодяя" с "темным прошлым", продолжает обростать небылицами, тогда как основные источники этой информации, на наш взгляд, и сегодня спрятаны в тень.

"Разоблачения" А.П. Москалевой-Рихтер, незаурядной женщины во всех отношениях, олицетворявшей всю полноту домашнего очага в Одессе и распространявшей свою симпатию на всех окружающих, в том числе и в Москве⁶, порой обескураживают своим примитивизмом. Разумеется, отформатированным в определенном ракурсе оценок ее жизни и поступков. Каким бы образом не упоминал обстоятельства отъезда матери из Одессы Рихтер, все говорит о том, что он обожал мать, несмотря на явные противоречия этих воспоминаний. Поздние признания Рихтера о "самой темной странице биографии" при их сопоставлении с появившимися источниками, проявляют контуры интриги-мифа, скорее всего, искусствен-

⁶ Множество свидетельств о симпатиях к ней Г.Г. Нейгауза, А. Ведерникова (которому Анна Павловна лично подыскала квартиру в довоенной Москве). Ближайший друг С. Рихтера, Вера Ивановна Прохорова (Рихтер ее называл Випа), восторженно обрисовывала облик А. П., напоминающий ей образ Анны Карениной.

но инъектированного в его сознание, сопровождавшего и отравлявшего всю его жизнь.

"Однозначная" фигура С.Д. Кондратьева, "разрушителя" рихтеровской семьи, кочует из статьи в статью, из книги в книгу, опираясь на свидетельства, с одной стороны, Рихтера, с другой — инициативных (а может быть, и заинтересованных?) "доброжелателей".

Что было первичным в неприязни юного Светика к Кондратьеву — ревность к человеку, которому "мама оказывала... всевозможные знаки внимания", или "словоохотливость" образованнейшего по тем временам человека (на фоне профессуры одесской консерватории 30-х годов), не нам судить.

"Молодежь валом валила, чтобы прослушать курс лекций", — сохраняя некую объективность, говорит о Кондратьеве сам Рихтер, будучи его учеником. Да и уроки композиции, что не отрицает Рихтер, он давал студентам, в том числе и талантливому композитору В. Фемилиди, сочинившему балет "Карманьола". Рихтер, прежде всего, профессионально не предубежден, когда вспоминает, что балет был создан "под общим наблюдением Кондратьева... когда его поставили в Одессе". Партитура была такова, утверждает Рихтер, что "в ней были места, которых не постыдился бы и сам Прокофьев. И теперь еще я храню в памяти полную партитуру этого балета".

Только спустя годы признается Рихтер о далеком прошлом: "...злые языки уверяли, будто причиной стало анонимное письмо, которое якобы послал Кондратьев, чтобы избавиться от отца". ...Однако "с трудом верится, что он совершил подобную гнусность".

Негативные эмоции — острые и запоминающиеся, объяснимые для молодого человека, не лишённого небезызвестного комплекса Эдипа⁷ (по тем временам "реакционного и антинаучного направления", фрейдизма), искусно брались в расчет авторами мифов, чтобы сконструировать его "гамлетовские" отношения с близкими в юности людьми.

У С. Кондратьева к С. Рихтеру отношение было однозначно восторженное. Располагая оригиналом книги, подаренной Кондратьевым Рихтеру в октябре 1936 года с дарственной надписью "Дорогому ученику моему Светику Рихтеру — С. Кондратьев", зная авторитетное мнение людей, близких к семье Рихтеров, можно утверждать, что этот человек одним из первых в Одессе видел в юноше выдающуюся личность.

⁷ В этом пункте невольно возникают параллели с известной работой З. Фрейда "Леонардо да Винчи. Детство и юность".

Почти по Дюма

Могила С. Рихтера на Новодевичьем кладбище в Москве

Что же сегодня можно увидеть с дистанции — "десять лет спустя" после ухода Маэстро, выйдя за круг установленных биографических стандартов?

Первое — что Рихтер, скорее всего, так и не был ознакомлен с реабилитационным делом отца до самой своей смерти в 1997 г. Иначе он бы знал, кто подписал донос на отца, и не упоминал С. Кондратьева в "ореоле сплетен" о его доносителе.

Второе — арест Теофила Рихтера, как и многих немцев не только Одессы, был массовой репрессивной акцией. Его расстрел был не в июне 1941 года (когда немцев и близко не было под Одессой), как говорит Рихтер в интервью Монсенжону, а в октябре, перед самым их приходом, что также показывает незнание "дела" отца.

Третье — о расстреле Т. Рихтера узнали одесситы уже после вступления немцев в Одессу. Поэтому как могла знать о гибели Теофила Рихтера женщина, оказавшаяся "случайно" в Тбилиси 1943 года — по другую сторону фронта? Разве столь же случайно она, как вспоминает С. Рихтер, "подошла ко мне на улице и заговорила" о смерти отца, тем более что у С. Т. были подозрения о ее принадлежности к определенным службам.

Четвертое — эвакуация из Одессы консерватории, как и других учреждений, происходила в ужасающих условиях.⁸ П. Столярский, эвакуировавшийся одним из первых как знаменитый в то время профессор-орденоносец, присылал коллегам душераздирающие письма об опасностях и условиях эвакуации, о чем пишет в своих дневниках В. Швец, хорошо знавший Рихтера и его окружение.⁹ Многие одесские музыканты оставались в оккупированной Одессе под влиянием информации, поступавшей

⁸ К. Паустовский в повести "Время больших ожиданий" рисует картину "эвакуации" в Одессе. И неважно, как это происходит, — у белых от красных или в 41-м от немцев.

⁹ Дневники преподавателя Владимира Швеца были опубликованы в книгах Владимира Смирнова, ученика В. Швеца, "Реквием XX века".

от эвакуированных коллег. Положение Теофила Рихтера в консерватории не давало ему никаких преимуществ в эвакуационных условиях, что прекрасно понимала практичная Анна Павловна, и преподносимая мотивация о ее отказе эвакуироваться явно упрощена.

Пятое — кто и зачем сообщил Рихтеру, что Кондратьев и Анна Павловна поженились в Германии и "покинули страну в 1941 году". Их венчание состоялось в середине марта 1944, незадолго до ухода немцев из Одессы в начале апреля 1944 года, когда стало ясно, чем грозит им возвращение органов НКВД. И деятельность Кондратьева как открытого противника Советов, и коммерческая деятельность "выживания" в годы оккупации Анны Павловны, жены расстрелянного "врага народа", предопределяли им расстрельную перспективу или как минимум гибель в ГУЛАГе. Брак же с ней и смена фамилии давали С. Кондратьеву единственную возможность — бежать из Одессы.

Выборочно приведенные факты заставляют задуматься — какого рода и какой плотности "информацией" был окружен Рихтер все послевоенные годы, и мог ли он вырваться из ее плена? Получить "немцу" по повелению свыше первую премию на Всесоюзном конкурсе в 1945 году, разделив ее с фронтовиком Виктором Мержановым, а затем в 50-м Сталинскую премию, будучи сыном расстрелянного "врага народа" и сбежавшей с немцами и антисоветчиком матери-дворянки, можно было, сделав компромиссный шаг, как минимум — забвения "порочащего" одесского периода.

Одесский исследователь и писатель Владимир Смирнов, первый, кто ознакомился с реабилитационным делом Теофила Рихтера, высказал довольно реальную гипотезу, что "перед тем как выпустить С. Рихтера за границу, он был подвергнут умышленной психологической обработке".

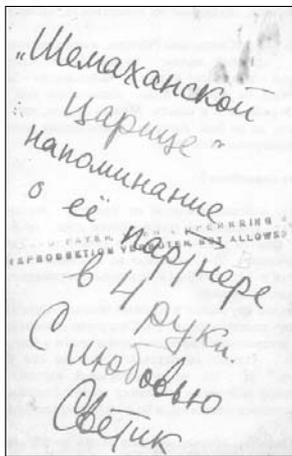
Нам же представляется, что незримая и длительная "обработка" С. Рихтера, как и его близких, началась гораздо раньше и мастерски продолжалась всю его жизнь. Нетрудно понять, что Рихтер, ничего не подозревая, получал недостоверную информацию, искаженные факты, домыслы, медленно, но неотвратимо отравлявшие его сознание.

Негативной "трагической виной" по сей день остается не репрессивный контекст эпохи, не его реально виновные действующие лица! Ни написавший донос на отца агент НКВД *Юндт*, ни иезуитский следователь НКВД *Гланц*, ни подписавшие приговор судьи *Зенкович*, *Захаряни*, *Ткаченко* нигде не упоминаются (в том числе Рихтером и его окружением), а только один (!) объект юношеской ревности, "словоохотливый" и, вполне возможно, малосимпатичный антисоветчик — *Кондратьев*!

"По направлению к... Гамлету"

Фотографии из семейного архива
семьи Вербицких-Кохрихт

Весь имеющийся в нашем распоряжении материал о детстве и юности Светика Рихтера позиционирует окружавшую его среду как весьма по тем временам "неблагонадежные" круги национального, религиозного и социального происхождения. Известный журналист Ф. Кохрихт, женатый на дочери "Шемаханской царицы" Святослава Рихтера¹⁰, Татьяне Вербицкой-Завалишиной, которую Маэстро нянчил в юности, пишет:

"Рихтеры жили в замкнутом мире, в который не допускались посторонние. И отец, и сын... были одиноки — и в Оперном, где они работали (Светик — концертмейстером), и среди коллег — пианистов и педагогов...". Ибо стоит напомнить о начавшихся репрессиях 30-х годов в окружении этой семьи — тогда как "шумная, любвеобильная, прагматичная Одесса-мама, более других любившая самых энергичных, шустрых, оборотистых, коммуникабельных, оптимистических (при несомненных талантах!) своих сыновей и дочерей", не менее других городов переживала "оптимистическую трагедию" невинных человеческих судеб.¹¹

Триумфальное поступление без экзаменов в Московскую консерваторию в класс к Г. Нейгаузу в 1937 г. и привилегированное положение сталинского сти-

¹⁰ См. статью в международном еженедельнике "Зеркало недели" — "Шемаханская царица Святослава Рихтера", от 1 октября 2005 г.

¹¹ Т. Вербицкая, Ф. Кохрихт. Столь долгое отсутствие. Альманах "Дерибасовская — Ришельевская", вып. 12, с. 204-205.

пендиата, благодаря Г. Нейгаузу знакомство с Н. Мясковским, С. Прокофьевым, общение в престижнейших семьях московских знаменитостей, не перевешивали влечение Светика к Одессе, дому, родителям, куда он регулярно удирал из столицы. Детство и юность Светика Рихтера в Одессе, вплоть до начала войны в страшном 1941 году, надолго оставались в легендах одесситов.

Переключка гамлетовского сюжета, подмеченная Ф. Кохрихтом у молодого Рихтера, как бы в продолжение шекспировских ассоциаций Гаврилова, очевидна не только поданной фабулой семейной драмы — расстрелянного отца, якобы с подачи С. Кондратьева, женившегося на матери. *Гамлетовское состояние самого Рихтера*, со своим внутренним миром и "призраком" НКВД, "указующим на преступника" Кондратьева, делает его героем не меньшей по масштабу современной драмы, не нашедшей своего Шекспира.

Человек, склонный в жизни к некоторой театральности, если не виртуальности, ставший "положительным героем" (по Гаврилову) в советской культуре, Рихтер, как и Гамлет, оказывается в центре множества мнений, которые он осторожно подпитывает и тем самым запутывает. "Игра в безумие" или "игра в молчание, табу" ведет либо к "чуши и небылицам", либо в "тайны и лабиринты" человеческой души, *не давая никаких однозначных ответов*, какими бы фактами, лежащими на поверхности, не оперировали даже самые близкие люди.¹²

Человек, склонный в жизни к некоторой театральности, если не виртуальности, ставший "положительным героем" (по Гаврилову) в советской культуре, Рихтер, как и Гамлет, оказывается в центре множества мнений, которые он осторожно подпитывает и тем самым запутывает. "Игра в безумие" или "игра в молчание, табу" ведет либо к "чуши и небылицам", либо в "тайны и лабиринты" человеческой души, *не давая никаких однозначных ответов*, какими бы фактами, лежащими на поверхности, не оперировали даже самые близкие люди.¹²

А для того чтобы представить миру Святослава Рихтера в качестве "советского символа", "очищенного" от своей прежней жизни, нужны были "аккуратные" биографические данные, в которых признаки "эдипова комплекса" были бы сублимированы в тему "мщения сына за смерть отца", обеспечивая его если не лояльность, то по меньшей мере, нейтральность к власти. Можно думать, что эта цель достигнута, ибо в отличие от Гамлета, он был не автором "исполнения долга", а его героем, надолго, если не навсегда, закодировав свою тайну.

¹² Склонность Рихтера к мозаике собственных мнений отмечалась многими близкими ему людьми.

"Любимый город может спать спокойно"?

Послевоенный период Одессы, дистанцированной от Рихтера, вполне можно назвать "ледниковым", даже после хрущевской реабилитации отца, особенно со стороны, видимо, предупрежденных властей и администрации культуры. Небольшой круг музыкантов и почитателей, начиная с 60-х, выезжал на кишиневские, киевские рихтеровские концерты, однако доступ к Маэстро был максимально ограничен даже для очень близких ему людей из довоенного прошлого.

Как рассказывала мне его одесская соученица и близкий человек Анны Павловны Рихтер, композитор и профессор консерватории Т.С. Сидоренко-

Малюкова, Анна Павловна просила передать Светику оставленные Рихтером ноты и книги в Одессе. Что и стремилась сделать в Москве Т. С. Однако ей отказал в этом не сам Рихтер, а посредники, стоявшие между ними.¹³ И это не единственный случай, скорее установившееся правило, как и "заговор молчания" об Одессе вокруг близких Рихтеру людей, прорваться сквозь который удавалось немногим, и то с оговоренными "условиями одесского табу".

Мистифицированная "аура Одессы", сформировавшая гений мастера в далекие предвоенные годы, в сопоставлении с нынешней мало изменилась. "Тением больше, гением меньше, подумаешь!" — продолжают уместно и неуместно шутить одесситы, сохраняя прежнюю любовь к "энергичным, шустрым, оборотистым, коммуникабельным" поколениям, разве что несколько сузив культурные приоритеты в рамках "Юморин". Впрочем, и Украина, хранительница культурного наследия, смирилась и с массовой культурой "хлеба и зрелищ", и с растущим демпинговым экспортом своих талантов прошлого и настоящего.

¹³ Книга подаренная Кондратьевым Рихтеру, "Музыкальная форма" Г. Катюара, скорее всего, из этой рихтеровской библиотеки.

Незримо зависшая "блокада" бывших отношений Рихтера к Одессе и Одессы к Рихтеру, прорвать которую не удавалось и после ухода Маэстро в 1997 году, продолжает существовать. Попытки его соученицы и друга по Одессе и Москве, по классу Г.Г. Нейгауза, профессора одесской консерватории известной украинской пианистки Л.Н. Гинзбург¹⁴ вернуть Одессе Рихтера наталкивались на невидимую стену негласного сопротивления. Таким символом оставался и остов разрушенной кирхи, укоризненным памятником возвышающийся над музыкально-историческими кварталами Одессы.¹⁵

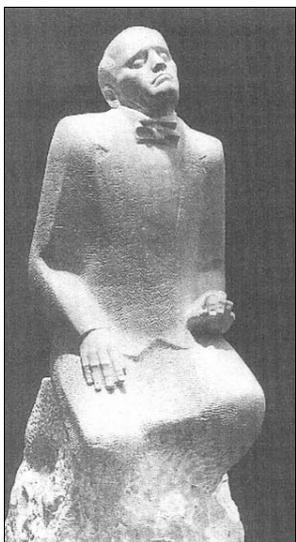
Противоречия вспыхнули вновь, когда инициативная группа общест-венности все же поставила ребром вопрос о мемориальной доске своему земляку и на свои средства, страх и риск организовала первый "Рихтер-фест-2002" — "Декабрьские встречи", открыв упоминавшийся барельеф. И областная власть, и академическая среда остались безучастными к этому событию, а руководители консерватории немало потрудились, чтобы любыми способами дискредитировать и фестиваль, и его организаторов. Прямая попытка срыва концерта молодых пианистов Одессы в филармонии отказом в нем участвовать 7 участников из 12 и многозначное отсутствие педагогов консерватории, в первую очередь, фортепианных кафедр в течение всех 10 дней "рихтеровских встреч", уклонение от контактов с известными коллегами из украинских консерваторий, участвовавших в концертах и встречах "Рихтерфеста".

Вот где бы нашим свободным и независимым журналистам почерпнуть материалы — и об "ауре Одессы", и о нейтралитете властных структур, и о "нетленных" *интригах бывшей консерватории, ныне академии*, в их подлинных мотивах!

Появление в Одессе Миссии Д. Ойстраха и С. Рихтера независимо от указующего перста администраторов и ее уже пятилетняя общественная деятельность не позволяют адаптироваться к ней всей вертикали исполнительной власти, начиная с Министерства культуры Украины. Их не убеждает широко освещавшаяся в СМИ высокая оценка общественности Украины и Одессы, посольств РФ и ФРГ, министерства культуры РФ. Организация международных фестивалей — "Рихтерфестов", "Ойстрах-Ассамблей" и других праздников — интерпретируется, а часто и фальси-

¹⁴ Такие же отношения связывали ее с Э.Г. Гилельсом, Я.И. Заком и многими другими известнейшими музыкантами-одесситами.

¹⁵ Это отдельная тема трагической пьесы "Аура Одессы", весьма контрастирующая с имиджем беззаботного и юморного города.

**Скульптура Святослава Рихтера
Автор Михаил Цветков**

фицируется с тем же духом "профессиональной зависти" и собственной несостоятельности, как и консерваторские склоки далеких предвоенных лет в адрес Теофила Рихтера, его семьи и самого Светика.

Парадоксы рихтеровских историй в хрониках последних лет весьма симптоматичны. Поиск и находка Миссией в 2005 году мраморной скульптуры С. Рихтера (автор М. Цветков), семнадцать лет пролежавшей под сараем (!) в музее г. Яготин Киевской области, завершились легким испугом чиновников. Все попытки передать ее в Одессу для установки памятника возле Одесского оперного театра до сего дня остаются за пределами интереса исполнительной власти.¹⁶

Авторский фильм, посвященный детству и юности С. Рихтера, съемки которого начаты нами в 2005 году, помогли осуществить немецкий "Гете-институт" в Киеве, Посольство ФРГ в Киеве, фонд "Русское исполнительское искусство" в Москве, пока так и не удается завершить в отсутствие и *минимальной государственной и спонсорской помощи* и моральной поддержки, несмотря на все наши обращения.

Совсем недавно музыкальный мир при содействии европейской общечеловечности отметил 30-летие памяти Марии Калласс, ставшей "символом Греции". Сопоставлять эти, состоявшиеся праздники, с датой 10-летия памяти Святослава Рихтера в Украине и Одессе до боли обидно. Разве что утешиться предложением правительства Австрии отреставрировать дом в Житомире, где родился гений.

Кому нужен Святослав Рихтер в Украине уже спустя одиннадцать лет после его ухода? Нужен ли он академической среде в Одессе в эпоху расцвета коммерческих диссертаций и дипломов, званий и наград?

"Недостаток не в деньгах, а в людях и дарованиях, делает слабым государство", — говорил Вольтер.

¹⁶ Международный еженедельник "Зеркало недели" (№ 38, за 1 октября 2005 г.), как и многие СМИ Украины, публиковал материалы, видимо, не замеченные Министерством культуры Украины и властями Одессы.

У кого деньги — мы знаем, каково отношение к дарованиям людей — тоже. Не верится, что в Украине стало "гениев меньше", вопрос в другом: насколько и для чего нужны они властям?

От себя остается добавить — *не зная прошлого и не работая для будущего, — не удивляйся настоящему!*

